

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

**НОВЫЙ
ПОРЯДОК**

Павел Комарницкий

Новый порядок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818925

Аннотация

Люди Земли Папируса, которую мы называем Нижним Египтом, пока ещё живут по древним справедливым законам. Но время их истекло. Повелитель Верхнего Египта Нармер уже готов распространить на всю землю Кемет новый порядок – все люди делятся на господ и рабов.

Содержание

ПРОЛОГ	4
НОВЫЙ ПОРЯДОК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Павел Комарницкий

Новый порядок

ПРОЛОГ

Утренний бриз шелестел в тростниковых зарослях, холодил кожу, и Гы проснулся. Он, пожалуй, поспал бы ещё, но в животе громко заурчало – голодный желудок требовал пищи. Сопя и почёсываясь, Гы выбрался из вороха тростника, служившего ему постелью и домом, и заковылял к берегу.

Море сегодня не сердилось на Гы, невысокие волны лениво и длинно накатывались на берег и так же неспешно откатывались, оставляя на мокром песке комки спутанных водорослей, тёмные осклизлые сучья, хлопья пены, реже скользкие тела медуз или дохлую рыбину, но главное – морские ракушки, вкусные и питательные. Ракушки были основой рациона Гы. Он разбивал их камнями, чтобы добраться до содержимого.

Небо на востоке уже вовсю пылало золотым и розовым, и Гы, как обычно, радостно заулыбался. Почему-то восходы всегда вызывали в душе юродивого такой восторг, и когда первые огненные лучи светила брызгали на сонную ещё землю, Гы смеялся, скакал по берегу и подбрасывал в воздух комки водорослей и прочий мусор от избытка чувств.

Он не знал, сколько восходов уже встретил – считать Гы не умел, и нимало не страдал от этого. Он не помнил ни отца, ни матери, но и это не причиняло Гы ни малейшего беспокойства. И даже отсутствие настоящего человеческого имени не волновало юродивого. Все звали его Гы, по аналогии со звуками, которые он чаще всего издавал.

Вот и сейчас Гы замер в предвкушении ослепительного зрелища. Сейчас... Вот уже...

Звонкое пение раздалось сзади, и Гы моментально обернулся, одновременно присев на четвереньки. По-собачьи перебежал, спрятавшись за каким-то полусгнившим пнём, облепленным водорослями.

По берегу шли две девушки и пели, слаженно выводя мелодию гимна в честь великого Ра, готовящегося vyplыть на своей ладье из-за горизонта. Одна была постарше, и одета в белую юбку-каласирис с вышивкой, вторая, совсем подросток, несла свою юбку свёрнутой на плече. Волосы девушек были влажными – очевидно, они только что купались в море. Гы замер в благоговейном восторге. Ему ещё ни разу не приходилось наблюдать подобного дивного видения.

Девичьи голоса взвились, выводя заключительные ноты, и девушки одновременно встали на колени, красиво простерев руки навстречу восходящему Ра. И Ра, естественно, не смог отказать двум столь прекрасным созданиям. Золотые лучи брызнули водопадом, озаряя всё вокруг ликующим светом, и Гы, не в силах больше сдерживать переполнявших его

чувств, выскочил из своего укрытия и запрыгал по песку, оглашая окрестности восторженными воплями.

Девушки взвизгнули от неожиданности, вскакивая с колен. Гы остановился возле них, широко и радостно улыбаясь.

– Ну вот... – младшая из девушек торопливо завязывала на поясе юбку. – Всю песню поломал. Откуда он взялся?

– Да это, наверное, дурачок Гы, ну, про которого рыбаки рассказывали, помнишь?

– Гы, гы! – радостно закивал головой юродивый.

– А он не наскочит на нас? – младшая смотрела на голого грязного юродивого настороженно.

– Да нет, он вроде как тихий.

– Ага... А вдруг...

– Ну как наскочит, так и отскочит – засмеялась старшая необыкновенно красивым мягким смехом. – Получит в нос, только и делов.

Между тем Гы уже вовсю смотрел на старшую из девушек. Вот бывает же на свете такая красота! Гы захотелось немедленно сделать для неё что-то хорошее. Оглядевшись, он заметил большую раковину, торчащую из песка. Гы тотчас извлёк находку и с радостным гыканьем протянул её старшей.

– Это мне? – спросила девушка. Юродивый загикал интенсивней, подтверждая. – Вот спасибо!

Младшая прыснула, прикрыв рот ладонью и весело блестя глазами.

– Влюбился! Всё, Сидха, придётся тебе давать от ворот

поворот Тутепху. Такой жених нашёлся на берегу, не упusti!

– Ох и дурочка ты, Мерит! – опять засмеялась старшая своим необыкновенным мягким смехом. – Ну и дурочка!

НОВЫЙ ПОРЯДОК

– ...Вставай, Тутепх!

Тутепх разом открыл глаза, выныривая из сладкой неги предутреннего сна. Перед ним маячило лицо жены. Такое милое, тысячи раз виденное, и всё равно будто незнакомое... На носу прилипла крошка теста – похоже, жена успела настряпать лепёшек. Тутепх зарычал, подражая льву, сгрёб жену и повалил рядом с собой на циновку, покрывавшую ворох камыша.

– Ой, пусти! Ну пусти же, Тутепх! Ну лепёшки же подгорят у меня!

– Я не хочу лепёшек, Сидха! Я хочу тебя!

Но Сидха, похоже, имела особое мнение на этот счёт. Это дело могло и подождать, а вот снова лепёшки стряпать не так просто. Ловко вывернувшись, она кинулась прочь, забегая с другой стороны очага.

– Дурачок! Вот останешься голодным, тогда посмотрим, чего ты больше жаждешь, меня или лепёшек!

Тутепх сел на своей постели, огляделся. Ночь выдалась тёплой, и молодожёны спали на открытом воздухе. Двор, окружённый забором из вязанок камыша, надетыми на колья и перетянутых верёвками в единое целое, был утоптан до каменной твёрдости. В углу двора стоял обширный навес, под которым уже возилась домашняя живность, отреагиро-

вавшая на действия хозяина разноголосым одобрительным гомоном. Позади стояла тростниковая хижина, служившая убежищем от зимних дождей и знойных пыльных бурь летом.

– А с чем лепёшки? – спросил Тутепх, поводя носом – С рыбой?

– С рыбой и оливками, твои любимые!

– Так бы сразу и сказала! Это меняет дело. Лепёшки вперёд! А жена подождёт, куда она денется?

– Нахал! – возмутилась жена – Ладно, я тебе припомню, как ты предпочёл мне какие-то лепёшки!

Они встретились взглядом и разом расхохотались.

Ароматный запах разливался по двору. Сидха начала ловко вынимать лепёшки из очага, кидая их на большое глиняное блюдо. Тутепх снова залюбовался ей, какая она лёгкая и стройная. Тонкие смуглые руки ловко орудовали над очагом, упругие высокие груди с острыми сосками вздрагивали от стремительных движений. Длинная льняная юбка-каласирис – просто кусок льняного полотна – распахивалась от её быстрых движений, обнажая матово поблёскивающее бедро, маленькие ступни с чёрными ободками вокруг ногтей...

– Садись, ешь! – Сидха поставила блюдо на землю. Нырнула в хижину и вернулась уже с кувшином и двумя глиняными чашами. Налила в чаши пива. – Садись, остынет!

Тутепх встал, потянувшись, взял от изголовья постели аккуратно сложенную юбку, надел, привычно-автоматически

завязав узел. Мужская юбка короче женской, не достаёт до колен. Оно и понятно – кому интересно пялиться на волосатые мужские ноги? И потом, лазать по болотам или работать в поле в такой удобнее...

Некоторое время они ели молча – реплика Тутепха насчёт «я не хочу лепёшек» оказалась полнейшим блефом. Сидха с удовольствием наблюдала, как крепкие челюсти мужа перемалывают её стряпню. Вот интересно, почему почти все женщины любят наблюдать, как едят их мужья и дети?

– Ты не забыл, что тебя сегодня ждут на Совете старейшин? – жена заботливо подложила мужу ещё лепёшку, долила пива.

Движение челюстей разом замедлилось, лицо Тутепха приобрело озабоченность.

– Я помню, конечно.

Сидха ругнулась про себя – могла бы и не напоминать. Вот, пожалуйста, уже встаёт, запихивая последний кусок лепёшки в рот. И об обещанном «после лепёшек» можно теперь забыть. Да куда бы он делся, этот Совет?

– Я побегу, Сидха.

– Рано же ещё!

– Я побегу – уже твёрдо заявил Тутепх. – Дел выше головы. Сегодня будет трудный день!

– Ты просил разбудить тебя перед рассветом, муж мой.

Прохладный ночной воздух вливался снаружи, и запахи ночной земли перебивали запах горелого пальмового масла. Нармер некоторое время лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь последними мгновениями сладкой предутренней дремы. Затем открыл глаза.

Ночной воздух уже посинел, небо на востоке стремительно наливалось светом – это бог восхода Хепри разжигал свой костёр, указывая путь великому Ра, плывущему на своей ладье над изнанкой мира. Внутри дворца пламя масляных ламп ещё что-то значило, но у входа они освещали уже только сами себя.

Перед Нармером возникло лицо Сотис. Узкие насурмлённые брови – когда успела? – подчёркивали красоту огромных глаз, вытянутых к вискам. Полные губы изогнулись в улыбке.

– Ты сам просил разбудить тебя.

Вместо ответа Нармер сгрёб жену, жадно стал целовать её глаза, нащупал самое сокровенное... Она не сопротивлялась, прикрыв глаза, но за мгновение до того, как муж залепил ей губы поцелуем, спросила:

– Ты помнишь, что сегодня назначил Совет?

Настроение Нармера разом упало, и опало оружие, уже приведённое в боевую готовность. Сотис ругнулась про себя

– могла бы и помолчать немного. Куда бы он делся, этот Совет? Всё, теперь про утренние забавы можно забыть.

– Прикажи подать завтрак, дорогая. И побыстрее. Дел выше головы. Сегодня будет трудный день!

* * *

Тутепх размашисто шагал по улице, поглядывая по сторонам. Тысячи раз виденная картина – высокие, выше человеческого роста заборы, сооружённые из вязанок тростника, туго перетянутых верёвками. Деревянные калитки в камышовых стенах, украшенные затейливой резьбой и охранительными знаками, препятствующими проникновению злых духов. Грунт под ногами, представлявший собой многолетние напластования отбросов, утоптаных ногами прохожих, слегка пружинил, кое-где виднелись лужи помоев с выющимися над ними изумрудными мухами. Над заборами виднелись остроконечные и двускатные крыши хижин и хозяйственных построек, покачивались, шелестя на ветру, разлапистые пальмы. А впереди уже показались красные стены могучего строения, сложенные из сырцового кирпича. Красный Дом, средоточие мудрости, где в прохладном полумраке хранятся тысячи папирусных свитков, на которых записана вся славная история народа Земли Папируса. И общая казна хранится тут же. Правда, до недавних времён каждый ном хранил свои золото, серебро и медь отдельно. Но набег

верхних людей заставили спрятать сокровища под надёжную защиту древних стен.

Славный город Буто! Десять тысяч жителей обитает в нём. Десять тысяч кузнецов-медников, оружейников, кожевников... да мало ли! Здесь живут Смотрящие, самые уважаемые старейшины всей Земли Папируса, строго хранящие древние справедливые законы. И здесь же, в Красном Доме, собирают Всеобщий Совет вождей и старейшин всех номов, дабы решить самые важные вопросы, касающиеся всех. Впрочем, если нет дождя, Совет обычно собирают под открытым небом – уж больно жарко и душно в толстых стенах, когда соберётся много людей. А вот и поляна Совета!

Обширная поляна, окружённая высокими финиковыми пальмами и смоковницами, была полна народа. Они сидели на расстеленных циновках, прямо на земле. Старейшины, чьи бороды выбелило время, могучие мужчины в расцвете лет – вожди номов и родов Дельты... Цвет народа Папируса, ум и совесть, надежда его и опора.

А за спинами старейшин и вождей неподвижно стояли деревянные идолы, зримые воплощения богов, хранящих Землю Папируса и её народ. Сколько Тутепх помнил себя, они стояли тут, вот так, прямо и неподвижно. Каждый род имел своего Хранителя, и Хранители эти сейчас, кажется, внимательно слушали, что говорят их подопечные.

Высокий, седой, худой как палка человек, одетый в тёмно-зелёную юбку с вышивкой и наплечную накидку, стоял

перед Советом уверенно и твёрдо, опираясь на посох.

– Уважаемые главы Домов Папируса! Мы, Смотрящие, оторвали вас всех от ваших важных дел, потому что есть общее дело, важнее которого нет ничего. Как нам стало известно, верхние люди ¹ оправились от трёпки, которую мы задали им четыре года назад. Они готовят войну.

Гул прокатился по собранию, все зашевелились.

– Не слишком ли быстро они оправились? – подал голос сидящий как раз напротив оратора могучий мужчина, борода которого была аккуратно подбрита – В битве у Семи пальм они потеряли не меньше тридцати тысяч убитыми.

– Все тридцать пять – пробурчал высокий жилистый мужчина с колючим взором, борода которого была заплетена в косичку. Тутепх узнал Сетумна, вождя из нома Долгой Протоки – А если ещё учесть, что многие раненые должны были уйти в мир иной из-за загноения ран, так и все сорок.

– И всё-таки война будет – оратор с посохом чуть повернулся к говорившим – Я не могу сейчас представить вам свидетелей, потому как эти люди сейчас ушли вверх по реке. Но уверяю вас – война будет. Как только спадёт вода.

Новая волна гула, народ задвигался, запереговаривался.

– У верхних людей молодой вождь Нармер... – заговорил мужчина с длинными, чёрными как смоль волосами.

– У верхних нет вождей – перебил старейшина с посохом – Ты, Тинум, всё никак не уяснишь себе. Это мы, люди Па-

¹ Из Верхнего Египта. Прим. авт.

пируса, избираем себе вождей. И Смотрящих тоже, чтобы следили за выполнением древних справедливых законов. У верхних давно нет законов.

Да, это была чистая правда. Тутепх знал, что в Земле Пчелы ² давно не действуют древние законы. С верхних земель нередко бежали люди, которые рассказывали о беззакониях, творимых там. Вождей там никто не выбирал – во всех общинах и селениях их заменяли «начальники», которых ставил по своему усмотрению некий Повелитель, правящий единолично всеми верхними землями. И такой «начальник» никак не зависел от жителей общины. Он мог делать всё, что угодно, не боясь осуждения подопечных. Ответ «начальники» держали только перед Повелителем.

– Нам необходимо подготовиться к нападению и решить, что нужно делать – продолжил старейшина – Кто хочет говорить?

– У меня вопрос, мудрейший Смотрящий Гехемн – поднялся стройный светлокожий мужчина лет тридцати, с необыкновенной светло-каштановой бородкой, выдававшей ливийскую кровь – Почему Люди Пчелы собираются напасть на нас сразу после разлива? Самое время сеять, а тут война. Раньше всё было иначе, войны всегда начинались после сбора урожая, чтобы унести возможно больше добычи. И потом, разве верхние люди сами не сеют в это время? Это же глупо,

² Земля Пчелы – название Верхнего Египта во времена Раннего Царства. Нижний Египет, дельту Нила, тогда именовали Землёй Папируса. Прим. авт.

отрывать от дела столько мужчин, когда самая работа. С чем это связано, Мудрейшие, кто мне объяснит?

Старейшина с посохом чуть помолчал.

– Это хороший вопрос, Ясте. Я мог бы ответить тебе, но полагаю, пусть лучше ответит человек, который сам недавно оттуда.

Гехемн обернулся, сделал знак рукой. Откуда-то из-за спин сидящих протолкался молодой человек со смугло-оливковой кожей, типичной для Людей Пчелы. Собрание с любопытством разглядывало его, хотя в последнее время беженцы с юга были явлением вовсе нередким.

– Уважаемое собрание!..

– Великий Совет – поправил Гехемн – Мы не на деревенском сходе.

– Прошу прощения – чуть смутился говоривший – У нас... у них, в верхних землях, Совет – это собрание начальников, собираемое проклятым Владыкой.

– Почему ты называешь его Проклятым? – подал голос кто-то из сидящих. Тутепх не разглядел, кто.

– А разве это не так? – ощерился говоривший – Владыка Нармер, как и его отец...

– Не отвлекайся, Нехебх – вновь подал голос старейшина Гехемн – Во-первых, расскажи Совету, кто ты и как тут оказался. Во-вторых, объясни всем, почему Нармер решил начать войну сразу после окончания разлива, а не после сбора урожая.

– Слушаю, о мудрейший – Нехебх почитательно поклонился, вновь обернулся к Совету – Меня зовут Нехебх. Я проживал у Великого озера ³. Мы жили, честно соблюдая древние законы. Но семь лет назад воины прежнего Владыки по имени Ка – да будет проклят он во веки веков! – напали на нас. Мы защищались, но их было очень много. Они убили всех, кто не бросил оружие или не успел скрыться. Мой отец погиб тогда – на лице Нехебха задвигались желваки – Я был молод и быстр, и мне удалось уйти. Мы думали, что это обычный разбойный набег, какие не раз совершали прежде люди Долины. Но мы ошиблись! Всё оказалось гораздо хуже.

Нехебх прервал речь, наклонившись, взял с земли высокий сосуд с водой, поставленный тут специально для того, чтобы оратор мог промочить пересохшее горло.

– На этот раз – продолжал Нехебх, напившись – воины Повелителя никуда не ушли. Они согнали всех, кто мог стоять на ногах, и заставили строить дом-крепость, каких прежде никто не видел. Стены из сырцового кирпича, толщиной в полтора шага и высотой в десять. Ворота они поставили сами, срубив наши священные деревья, росшие вокруг святилища тысячу лет. Ворота получились толстые, почти как стена, и навешены на кованых медных петлях в пять талантов каждая.

По собранию прошёл гул изумления.

³ Во времена Нармера, в конце IV тысячелетия до н. э. на месте нынешней Файюмской котловины было огромное озеро. Прим. авт.

– Когда эта крепость была построена, они оставили в ней часть своих и ушли, забрав зерно и скот, оставив нам ровно столько, чтобы мы не сразу умерли с голода – продолжал своё повествование Нехебх – И с тех пор всё время грабят нас, требуя отдавать большую часть урожая и приплода скота. Они похожи на пиявок, с той только разницей, что пиявка, насосавшись крови, отваливается, эти же твари ненасытны. Их логово так просто не взять, а если даже это и удалось бы, из Долины придут новые полчища, и вновь Великое озеро покраснеет от крови. А вместо уважаемых старейшин и вождя над каждым селением нынче поставлен от проклятого Повелителя начальник, который делает всё, что хочет, под защитой копий своих солдат...

– Кого? – переспросил кто-то, сбив ход повествования Нехебха. Тот смешался, взглянул на Гехемна. Старейшина кивнул: «Отвечай».

– Да, здесь вы этого ещё не знаете. Ещё не так давно, при прошлом Повелителе, воины Долины не отличались от наших. Теперь там новые порядки. Их Повелитель содержит большое количество воинов, которые целыми днями либо тренируются владению оружием, либо просто спят, едят и безобразничают. И больше не занимаются ничем! Никто из них не пашет, не ловит рыбу и не строит хижин – они посвятили свою жизнь только войне, и Повелитель кормит, поит, одевает и обувает их за это. Или же они сами берут у простых людей всё, что захотят, под угрозой оружия, от имени

своего Повелителя.

Новая волна возмущения пронеслась над Советом.

– Этих людей в Земле Пчелы называют солдатами. Они очень опасны в бою, потому как опытные и очень жестоки.

4

– Как много таких солдат у Нармера? – спросил уже говоривший ранее Сетумн.

– Этого я не знаю – Нехебх отёр пот со лба, солнце уже здорово припекало – Но, думаю, сейчас уже много. В Земле Пчелы немало здоровенных подонков, желающих жить грабежом. По закону эти люди, разумеется, должны быть убиты, но ведь закона в верхних землях давно нет – его там заменяет слово Повелителя.

– У меня вопрос – подал голос кто-то из вождей – А почему ты не убежал сразу?

– А разве так просто оставить землю предков, даже когда на ней хозяйничают проклятые пришельцы? – усмехнулся Нехебх. На лицах слушателей отразилось понимание – аргумент был более чем весомый.

– Тогда второй вопрос. Почему ты сделал это сейчас?

Нехебх засопел, поглядел на старейшину. Смотрящий кивнул ему снова – «говори всё».

– Всему есть предел. При покойном Повелителе – да сгниют его кости бесследно – у нас отбирали только зерно и скот.

⁴ До наших дней не дошло тогдашнее древнеегипетское название солдат. Прим авт.

Теперь же солдаты проклятого Нармера отбирают в селениях вокруг Великого Озера молодых девушек и парней, связывают и угоняют в Долину, как животных. Они называют их рабами!

Вот теперь гул, невнятно реявший над Советом, стих, и нехорошая, мертвящая тишина воцарилась над площадью.

– Я хочу сказать вам – голос Нехебха окреп – Если солдаты проклятого Нармера придут сюда, здесь тоже будут такие порядки! Защищайтесь, люди!

* * *

Солнечный свет всюду гулял меж колоннами, и в его лучах плавал дым от масляных светильников, которые никто не собирался гасить. Впрочем, это сейчас, сразу после расвета, солнечные лучи имеют возможность беспрепятственно проникать в зал Совета. Когда огненная ладья Ра поднимется выше, тут воцарится прохладный полумрак, освещаемый только светильниками.

Нармер усмехнулся про себя. Да, солнечные лучи имеют возможность беспрепятственно заглянуть сюда ранним утром. Но только они. Даже слуги тут подобраны глухонемые, а вся стража находится снаружи. Ибо негоже всем и каждому знать, о чём говорят на Совете у Повелителя.

На циновках, расстеленных на полу, полукругом сидели номархи. Первые после Повелителя, его руки, а когда нужно

– его карающие копыя. И, если говорить откровенно, порой и его мозги.

Нармер снова усмехнулся про себя. Когда-то это был круг Совета. Да, в старые времена, когда ещё не было на Земле Пчелы порядка, когда Повелитель не был ещё Повелителем, и каждый год должен был доказывать своё право вести за собой свой народ. Но это было очень давно, лет триста тому назад. Его предок Улитка впервые установил порядок, и сумел передать власть своему сыну, дабы он продолжил дело отца. А тот своему сыну... Да, первое время многие были недовольны. Ну что же – наиболее недовольные стали пищей для крокодилов, а остальные усвоили урок. И уже при его, Нармера, прадеде как-то само так вышло, что никто не смел садиться бок о бок с Повелителем. И круг Совета превратился в полукруг, в фокусе которого сейчас сидит он, Нармер.

– Я собрал вас, друзья мои, чтобы решить один важнейший вопрос. Люди Папируса вновь перекрыли нам доступ к синайской меди. Я уже не говорю, что выход к Полночному морю нам необходим, как вода Хапи. Я хотел бы знать, что думает каждый из вас по этому поводу. Начнём с тебя, Хабу.

Да, этот мудрый порядок тоже завёл его прадед. До того каждый высказывался на Совете, когда хотел. Но сейчас все говорят только с разрешения Повелителя.

– Я понял тебя, мой Повелитель – заговорил худощавый высокий вельможа с костистым угловатым лицом и глубоко посаженными глазами – Война, разумеется, необходима.

Ещё твой прадед начал походы в нижние земли. Я думаю, как только соберём урожай, надо идти войной на Землю Папируса.

– Я слышал и понял тебя, Хабу. Что скажешь ты, Иуну?

Сидевший рядом с Хабу толстяк с ручищами в ногу взрослого человека, задумчиво потрогал серебряное кольцо в ухе.

– Я согласен с Хабу. Война необходима. Время до урожая у нас есть, Хапи ещё не вошёл в берега. Но нам следует хорошо подготовиться, чтобы не вышло, как при твоём покойном отце, Повелитель – да пребудет с ним милость богов! Когда нижние соберут свой урожай, мы возьмём его, он нам пригодится.

– Я слышал и понял тебя, Иуну. Что скажет мудрый Себхак?

Высокий мужчина, в волосах и бороде которого отсвечивали серебряные нити седины, потрогал бородку.

– Всё, здесь сказанное, верно. Добавлю, что я и мои люди уже готовим новые лодки для похода в Землю Папируса. И ещё нам нужно оружие, мой повелитель. Время есть, если его не терять... Этот поход должен быть удачным.

Нармер помолчал, собираясь с мыслями.

– Я слышал и понял тебя, Себхак. Я всех вас слышал и понял. А теперь послушайте, что скажу я. Этот поход действительно должен быть удачным. Но вот времени у нас нет. Потому что мы выступим, как только спадут воды Хапи.

Вельможи Нармера были опытными придворными, и уме-

ли контролировать свои слова и чувства. Ни один лишний звук не издали ничьи уста. Но на лицах всех сейчас было написано изумление.

– Да, да – повторил Нармер – Время посева – самое удобное. Все мужчины в Земле Папируса будут заняты на полях. Наши же солдаты свободны круглый год. Вы спросите о добыче? Да, после сбора урожая можно взять больше. Но не это сейчас наша цель.

Нармер взял с золотого подноса, стоявшего рядом, серебряный кувшин, напился прямо из горлышка.

– Этот поход должен стать последним. Хватит! Обитатели болот слишком долго не имели хозяев. Мы войдём в Землю Папируса и больше не уйдём. И урожай, и скот они будут отдавать нам сами. Каждый год, и без всяких походов.

– Да здравствует Повелитель! – первым рявкнул Себхак.

– Вечно да здравствует! – отозвались другие.

* * *

– ...Итак, вы все поняли, что будет с Землёй Папируса, если Нармер войдёт сюда – Гехемн стоял прямо, как столб, попирая короткую собственную тень. Лучи солнца били в него, как огненные стрелы, время подбиралось к полудню, но Смотрящий, казалось, был равнодушен к зною – Мы сделали мудро, перекрыв пути доставки меди в верхние земли. Но этого недостаточно. Кто хочет говорить? У меня пока всё.

Старейшина сел на своё место, положив посох перед собой.

– Я хочу сказать – поднялся с места уже выступавший Тинум – Хорошо, что мы загодя узнали планы Нармера. Но война во время сева, когда каждый день год кормит... Если сев будет сорван, нас ждёт голод, а он ничуть не милосерднее проклятого Нармера. Как быть?

Собрание зашумело – вопрос был в точку. Тутепх вдруг обнаружил, что стоит во весь рост.

– Прошу слова!

Старейшины переглянулись. Смотрящий Гехемн кивнул головой.

– Выйди сюда и скажи своё слово, молодой вождь. Мы слушаем.

Тутепх вышел на середину круга. Послеполуденное солнце калило нещадно, и Тутепх вдруг с неожиданным весельем подумал – ох и ушлые эти Смотрящие... Все собравшиеся сидят в тени деревьев, а выступающий должен стоять на солнцепёке – тут поневоле будешь краток.

– Вот уже более ста лет Люди Пчелы совершают набеги на наши земли, и набеги эти со временем становятся всё более опустошительными. Но до сих пор это были именно набеги. Теперь же Нармер замыслил иное. Неужели вы не поняли, что сказал вам беглец с верхних земель? Они войдут сюда НАВСЕГДА! И мы будем кормить и поить солдат-убийц проклятого Нармера, кормить круглый год!

– Не считай себя самым умным, Тутепх – подал голос Смотрящий Гехемн – Конечную цель Нармера поняли все. Что ты предлагаешь конкретно?

Тутепх перевёл дух.

– Я предлагаю покончить с этим. Покончить раз и навсегда. До сих пор мы только отбивались. Но теперь этого мало. Да, нынешний сев будет сорван. Много ли смогут обработать земли одни женщины, дети и старики? Но у нас есть запас зерна, и мы переживём этот год. Однако Тинум прав – если проклятый Нармер повторит поход и на следующий год, сразу после разлива, нас ждёт голодная смерть.

Тутепх набрал в грудь побольше воздуха.

– Нам следует не просто разбить Нармера. Нам нужно сделать ответный поход в верхние земли, чтобы восстановить там закон. Все начальники Нармера, все его солдаты должны быть убиты. поголовно!

Вот теперь собрание зашумело по-настоящему.

– Ты соображаешь, что говоришь? – подал голос один из старейшин – Тебе напекло макушку, похоже. Здесь, в болотах Земли Папируса, наш дом, и каждая протока, каждая тростинка известна. В верхние земли можно войти, но удастся ли выйти оттуда – это большой вопрос.

– Моя макушка пока в порядке, о мудрейший – отозвался Тутепх, и лишь потом осознал, что спорит с одним из Смотрящих – вспомните, что сказал беглец Нехебх. Люди Земли Пчелы не любят своего Повелителя, они просто боятся его

солдат, и ничего не могут сделать. Когда наши воины войдут в верхние земли, мы не будем грабить и убивать простых людей, насилловать их женщин. Мы скажем им: «Мы принесли вам свободу. Убейте всех солдат и начальников, выберите себе вождей, как велит древний закон, и пусть никто не смеет отбирать ваши скот и зерно. И уж тем более ваших детей и женщин!» И тогда многие, очень многие люди Пчелы встанут в бою рядом с нами. Они укажут нам пути и тайные протоки, они укажут логова начальников и солдат, они помогут нам поймать самого Нармера. А когда голова Нармера будет водружена на копье, все остальные начальники и солдаты разбегутся. Каждый из них будет спасать только свою шкуру, и мы будем охотиться на них, как на диких зверей.

Собрание вновь загудело.

– И когда над Землёй Пчелы вновь воцарятся древние законы, больше не будет набегов на Землю Папируса! Я всё сказал!

* * *

– Берегись!

Могучее вековое дерево, дрогнув раскидистой кроной, начало крениться, вначале медленно, затем быстрее, быстрее, и с грохотом и треском ломающихся сучьев рухнуло на землю. Нармер усмехнулся про себя пришедшему вдруг на ум сравнению. Вот точно так же будет и с нижними землями.

Земля Папируса пока стоит, да. Но ещё его прадед впервые вонзил в неё топор. Дело его продолжили отец и дед, а он, Нармер, закончит его. Свалит наконец этот оплот дикарей, не подвластных покуда порядку. Скоро, теперь уже совсем скоро. Как только спадёт вода.

Люди с каменными топорами облепили упавшего великана, рубили сучья и ветки. К Нармеру подошёл начальник лесорубов.

– Повелитель, на этой делянке осталось только восемь подходящих деревьев, остальные мелкие. Надо переходить на ту сторону протоки.

– Тебе видней, Нехамн. Мне надо от тебя тысячу таких брёвен – Нармер кивнул на поваленное дерево – А как и где взять, решай сам.

Начальник лесорубов поклонился, прижав руки к сердцу, повернулся и пошёл к своим людям. Нармер, поудобнее перехватив свой посох, направился к лодке, поджидавшей его на берегу протоки. За ним безмолвно следовали шесть могучих телохранителей, вооружённых копьями и медными топорами-клевцами. Нармер снова усмехнулся про себя своим мыслям. Вообще-то посох был ему не нужен, он мог одолеть пеший дневной переход без остановки. Но как-то так незаметно повелось, что Повелитель должен ходить с посохом. Символ власти! Этот посох, украшенный резьбой, с золотым навершием, носил ещё его прадед.

Гребцы на скамьях, сидевшие в два ряда, взмахнули вёс-

лами, и царская ладья, выдолбленная из огромного, в три охвата, дерева, тронулась в путь. Кроны вековых деревьев смыкались над протокой, и ладья плыла в зелёном полусумраке. Да, вся пойма Хапи покрыта вот такими лесами, дикими и непролазными, где вода хлюпает меж беспорядочно переплетённых корней, где в зарослях поджидают добычу крокодилы. Сколько труда надо вложить, чтобы эти непролазные болота родили хлеб! Раскорчевать участок пойменного леса, прорыть канал, по которому воды Хапи во время разлива устремятся на поле, построить дамбу, чтобы осадить ровным слоем плодородный ил... Да, сколько труда!

Нармер поглядел вперёд, где светлым пятном маячил выход из протоки. Из старинных записей, и ещё более старинных преданий было известно, что сотни лет назад, когда на Земле Пчелы ещё не было порядка, и каждая деревня жила сама по себе, ячмень и эммер растили иначе. Тогда хлеб ещё мог расти на высоких, богарных полях. Перед началом сезона дождей мужчины рыхлили красную землю саванны тяжёлыми каменными мотыгами, женщины бросали зерно, старики и подростки боронили... Но теперь такое невозможно. От поколения к поколению засухи в саванне становятся всё дольше, дожди всё реже и скуднее. И уже давно люди бросили обрабатывать неблагодарную землю саванны. Теперь зерно растёт только на низинных полях, орошаемых в разлив водами великого Хапи. Здесь урожаи надёжно защищены от засухи. Но видят боги, как много тут надо вложить труда!

Ладья вырвалась из узкой мелководной протоки на широкий речной простор, и огненный водопад солнечных лучей разом обрушился на головы сидящих в ладье.

– Ап! Ап! А ну, поднажми! – крикнул кормчий. Гребцы, не опасаясь более посадить судно на мель, разом всадили в мутную воду вёсла, и ладья Повелителя устремила вперёд, с шумом рассекая пологие нильские волны.

– Нехмен, мы идём к верфям – напомнил кормчему Нармер, жмурясь от неистового двойного сияния – солнца над головой и его слепящего текучего отражения в воде.

– Я помню, мой Повелитель – отозвался кормщик.

Нармер чуть улыбнулся краем рта. Да, верфи – это была целиком его идея. Его, Нармера, и ничья иная. Как до этого строили лодки? Валили подходящее дерево поближе к воде, обрубали сучья. Затем приходили мастера, становились лагерем возле заготовленного бревна и начинали выдалбливать лодку каменными теслами. Закончив работу, сдавали её заказчику, получали плату зерном, медью или серебром и шли домой, к жёнам и детям. А проев и пропив заработанное, искали новый заказ.

Нармер всё изменил. По вновь установленным порядкам лодейные мастера никуда не уходили. Они жили в специальных посёлках, оседло, вместе с жёнами и детьми. И работали все вместе, бригадами. На каждую лодку своя бригада. А брёвна им подгоняли по воде другие люди, специально для этого дела назначенные. Работа теперь кипела ежедневно и

непрерывно, и лодки спускались одна за другой, в гораздо большем количестве, чем раньше.

Огненная ладья Ра между тем уже пересекла воды Хапи и стремилась в Страну Заката. Ладья Повелителя тоже пересекла реку, в том же направлении, но наискосок. Стена пойменного леса отодвинулась, и над тёмной зеленью показались жёлто-серые вершины гор, отделяющих Долину от Восточного моря.

Нармер снова вспомнил старинные рисуночные записи, отражение ещё более древних устных преданий. Сотни лет назад все эти горы были покрыты лесами, в дебрях которых было полно дичи. Сейчас леса сохранились только по берегам горных речек и ручьёв, пересыхающих в сухой сезон. Скелеты мёртвых деревьев ещё стоят кое-где на склонах гор, и местные бродячие охотники делают из этих отполированных ветром и песком коряг порой очень интересные поделки... А также жгут из этих древесных трупов костры, которые видны порой даже отсюда, с Долины.

Да, вот с них-то всё и началось, с этих бродяг. Когда великий Ра иссушил их горы, и стало мало еды, они все поползли в Долину. Но здесь уже жили Люди Пчелы. Почему они должны были отдавать свою землю? Охотников было мало, и сила была на стороне жителей Долины.

Раньше как было? Пришельцев, пришедших на чужую землю, убивали, или принимали в свой род. Или, если пришельцы были сильнее, они прогоняли бывших хозяев и са-

ми становились новыми хозяевами завоёванной земли. Но так было раньше. Его предок Улитка первым установил здесь порядок.

* * *

Они были такие тощие и измученные, эти бродяги, что невольно вызвали жалость. Убивать их рука не поднималась. И уж тем более никто не собирался принимать их за родню. Они были согласны на любую работу за миску каши и кусок рыбы.

Так на Земле Пчелы появились первые рабы – люди, не имеющие никаких прав. Поначалу они вели себя смирно. Но вскоре, отъевшись на ячменной каше и лепёшках, что давали им за работу, некоторые стали дерзить хозяевам, спасшим их от голодной смерти. И пришлось их наказывать, а особо дерзких даже убить, чтобы остальные усвоили урок. Но и это не всё. Многие из них, разбаловавшись, стали делать свою работу кое-как, а то и вовсе норовили не сделать. Куда такое годится? Пришлось выделить людей, которые контролировали бы этих рабов, надзирателей. А также вооружённых стражников, для особо буйных.

Нармер зачерпнул ладонью воду за бортом, плеснул себе в лицо, охлаждая раскалённую солнцем кожу. Сейчас бы искупаться... Нет, пожалуй. Конечно, крокодилы не любят заплывать на середину реки, они предпочитают быстрому те-

чению берега и тихие протоки. Но погибнуть сейчас в зубах крокодила не просто глупость, это будет преступная глупость. На нём, Нармере, лежит ответственность. Он должен довести до конца дело, начатое предками – установить наконец на всей Земле Кемет новый порядок.

Ладья повернула к берегу, и в расступившейся стене леса показался большой посёлок, расположенный близко к берегу. Над тростниковыми крышами хижин тут и там виднелись дымки – очевидно, хозяйки готовили обед. А на самом берегу, точно крокодилы, выползшие погреться, лежали толстые брёвна, возле которых вовсю трудились люди, и даже отсюда слышались частые удары каменных тёсел и топоров.

Опытные гребцы, разом затабанив лодку с левого борта, развернули её носом к берегу, и судно с мягким шипением вышло на берег, чтобы Повелитель мог сойти на землю, не намочив ног. К ладье уже спешил начальник верфи, плотный кругленький человек среднего роста, с до блеска выбритой головой, сияющей, как начищенная медь.

– Я счастлив приветствовать тебя, о Повелитель!

– Здравствуй, здравствуй, Сехо! – отозвался Нармер, сходя на берег. Телохранители соскочили следом, беря Повелителя в широкое кольцо – Как идёт работа?

– Всё идет так, как ты повелел – Сехо отёр рукой лоб и лысину – Двести ладей работаем разом! Желаеть взглянуть?

– Разумеется. Или ты полагал, что я прибыл сюда исключительно для того, чтобы пожелать тебе здоровья? – счёл

уместным пошутить Нармер.

Сехо ослабился, захихикав. Оценил, стало быть, шутку.

– Пойдем, мой Повелитель. Я покажу тебе сперва уже готовые лодки.

Они шли по берегу, сплошь устеленному деревянной щепой. Мастера долбили неподатливое дерево кремнёвыми топорами и теслами, щепки так и летели. Одна долетела до Нармера, и он ловко поймал её свободной рукой. Щепка была смолистой, горячей от солнца.

– Вот, мой Повелитель – Сехо указал рукой под навес, где плотно стояли в ряд готовые лодки – Все по размерам, которые ты указал.

Нармер неспешно обошёл лодки, оглядывая каждую, время от времени трогая и оглаживая их рукой. Лодки были сделаны надёжно, гладко отёсанная и зашлифованная мелким песком поверхность сияла свежим деревом. Нос и борта каждой были украшены резьбой и раскрашены. Нармер усмехнулся краем рта. Эти мастера никак не привыкнули, всё стараются придать изделию товарный вид, как будто надеются слупить с клиента побольше.

– Позови-ка четверых мастеров, Сехо – распорядился Нармер.

– Каких именно, мой Повелитель? – чуть удивлённо спросил начальник верфи.

– Да всё равно, каких. Лишь бы были не выше моих ребят, и не ниже тебя самого – Нармер вновь улыбнулся.

Когда вызванные прибыли, нестройно приветствуя своего Повелителя, он расставил их по росту парами и кивнул им и своим телохранителям:

– А ну-ка, все разом – взяли! И ты, Сехо!

Тяжелая лодка, поддаваясь общим усилиям, заскользила по песку, выходя из ряда себе подобных.

– На плечо – взяли!

Двенадцать человек вскинули лодку на плечи. И в их числе сам Повелитель.

– Пошли!

Да, лодочка тянула к земле. Не прошли они и тридцати шагов, а ноги уже задрожали.

– Поворот!

Неуклюже развернувшись, дюжина носильщиков направилась назад, под навес.

– Всё, бросаем!

Все разом с облегчением опустили груз, челнок с грохотом пустого дерева рухнул на землю.

– Нет, Сехо, так не пойдёт. Все лодки надо переделать. Дюжина крепких воинов должна свободно суметь нести их хоть двадцать тысяч шагов подряд. Даже больше.

– Но... Мой Повелитель! – в отчаянии заелозил рукой по лысине начальник верфи – Когда? Ведь ты велел сделать целую тысячу челноков. Где взять людей? И потом, если сделать борта слишком тонкими...

– Ты НЕ ПОНЯЛ меня, Сехо – мягко произнёс Нармер

– Лодки должны быть лёгкими, такими, как я сказал. И их должна быть тысяча, ни одной меньше. И не позже указанного срока. И уж само собой, они должны быть достаточно прочными. Нужно ли мне повторить ещё раз, Сехо?

– Я понял, о мой Повелитель – разом сник Сехо – Мы сделаем.

– Рад это слышать, Сехо. И вот ещё что... Не тратьте время на шлифовку, тем более на резьбу и раскраску. Мне нужно только, чтобы они плавали.

– Да, мой Повелитель – с видимым облегчением отозвался Сехо.

* * *

– Держи крепче!

Тетумн крепче перехватил большие медные клещи с деревянными рукоятками, сжимая изо всех сил тигель с расплавленной медью. Огненная струйка устремилась в литейную форму из мыльного камня, раздалось тихое шипение, точно в форме таилась змея.

– Готово, отец! С верхом!

– Хорошо! Остальной металл на огонь!

Старый Тигами был доволен сыном. Здоровый парень, весельчак, любимец девушек в селении. Одно время старый кузнец даже опасался, что малый избалуется преждевременной женской лаской, но ничего, обошлось – вон какую же-

ну себе отхватил! За неё её родителям было уплачено пол-таланта меди, но если по правде – не жалко было бы и таланта серебра. И вообще, не в талантах дело. Это в верхних землях повёлся такой обычай – выдавать девушку замуж, не спрашивая её согласия. Здесь же, в Земле Папируса, девушке достаточно сказать «нет» – и не помогут никакие таланты, хоть серебра, хоть золота...

– Застыло уже, наверное – прервал размышления старого Тигами Тутепх.

– Да, давай!

Тутепх ловко выбил клинья, сжимавшие половинки формы. Форма раскололась надвое, и старый кузнец клещами вынул готовую отливку, бросил в глиняный чан с водой. Снова раздалось шипение, куда более сильное, облако пара поднялось над чаном и развеялось ветром – кузница не имела стен, являя собой круглый конический камышовый навес на трёх столбах.

– Складывай форму – велел сыну Тигами – Меди ещё на четыре отливки. Остаток раскуём на шила.

– Нет, отец – потрянул головой Тутепх – Не о шилах сейчас думать надо. Не будет нам никакого остатка. Вся медь должна уйти на боевые топоры.

Старый кузнец крикнул, но возражать не стал. Взял округлый слиток меди, сунул в тигель, стоявший в горне. Ослепительно-жёлтая поверхность расплавленной меди враз потускнела, слиток, помедлив, начал неохотно оседать. Тигами

взялся за меха, начал раздувать огонь.

– Тетумн, ты здесь?

Рожца мальчика, заглянувшего в кузню, была перепачкана глиной – должно быть, месил глину для отца-гончара. А может, и сам уже делает горшки, улыбнулся про себя Тигами. На Земле Папируса дети взрослеют быстро...

– Чего тебе, Яп? – отозвался Тетумн, вновь забивая клинья, стягивающие литейную форму.

– Тебя зовут на Всеобщий Совет, Тетумн!

Ого! Это серьёзно. Опять Совет, и опять зовут. Что-то будет...

– Скажи, уже иду – Тетумн забил последний клин, отложил каменный молоток.

Малец повернулся и побежал, только пятки засверкали. Тигами наблюдал, как сын умывается, смывая копоть с рук и лица, как вытирает лицо холщовым полотенцем.

– Я думаю, скоро вернусь, отец.

– Я так не думаю – проворчал старый Тигами – Совет, это надолго. Ладно. Я залью ещё один раз, а остальное как-нибудь завтра.

– Я тебе говорил, возьми в помощь Ако.

– Ако соплив ещё, чтобы работать с медью – отрезал Тигами – Иди уже, помощничек!

Выйдя на улицу, Тутепх сощурился от яркого солнца. Сегодня было особенно жарко, воздух трепетал над нагретой землёй. В небе пока не было ни облачка, но стрижи и ласточ-

ки реяли над самой землёй, предвещая близкий дождь. Это хорошо, неожиданно весело подумал Тутепх. Жарой наших старейшин не пронять, но вряд ли они будут чересчур долго разглагольствовать под проливным дождём с грозой. Так что Совет ныне поневоле будет краток.

– Привет тебе, Тутепх!

Светлокожий Ясте шёл в том же направлении, что и Тутепх, быстрым широким шагом.

– Привет и тебе, Ясте! – отозвался Тутепх, приветливо улыбаясь – Ты как будто и домой не возвращался.

– Да, считай, и не возвращался – засмеялся Ясте – Заглянул и назад. Жена скоро убежит от такого хозяина!

Ясте был большим вождём, его избрали ещё три года назад. Вождь всей Западной Протоки, не шутка! Хотя отец его был из ливийцев, как уже знал Тутепх. Это была забавная история... Ливийцы, светлокожие соседи с Запада, проживали в основном на побережье. Когда-то давно, сотни лет назад, полоса лесов простиралась вдоль всего побережья Полуночного моря шириной до самого края Земли Папируса, где Хапи впервые распадается на рукава. Но сейчас полоска прибрежных лесов сжалась, став такой узкой, что хороший ходок может пересечь её всего за один день. И ливийцы, до недавних пор обходившиеся охотой, сбором диких плодов и разведением коз, принялись обрабатывать землю, по примеру своих соседей, Людей Папируса. Да, на побережье дожди идут чаще, чем в саванне, и ячмень, и эммер растут тут впол-

не уверенно. Вот только нет у Людей Берега своего могучего Хапи, каждый год приносящего на поля плодородный ил. Но Люди Берега нашли-таки выход. Они вырубают участок леса, раскорчёвывают его и выжигают. А потом сеют зерно в ещё тёплую золу, заделывая в землю мотыгами. И как только начнутся зимние дожди, зёрна прорастут, и яркая зелень всходов покроет выжженную поляну. Вот плохо только, что урожай там можно снять всего три-четыре раза, а потом надо снова корчевать и выжигать лес, готовя новый участок под посев.

Да, а с отцом Ясте случилась забавная история. Он полюбил девушку из Людей Папируса, мать Ясте. Посватался, как положено, привёл целое стадо коз для выкупа невесты. А в ту пору случился мор, и так вышло, что в роду невесты мужчин осталось раз-два, и обчёлся. Поля зарастали сорняками, и некому было их обрабатывать. Вот отец невесты и говорит ему: «Зачем тебе отдавать столько коз? Я отдам тебе в жёны свою дочь даром, только если ты останешься жить с нами» Так и договорились, и в результате старый хрыч не только не отдал из рода девушку, но и получил, считай, задаром, молодого здорового парня-работника. Да и тех коз в придачу, выходит!

– Что нового слышно? – Тутепх поравнялся с Ясте, пошёл рядом.

– Нового? Сейчас каждый день новости, только успевай поворачивать уши – отозвался Ясте, потирая сильные руки.

Пальцы рук были темнее остального тела – Ясте был кожей-кой, и дубильные растворы въелись в кожу намертво – Караван людей Нармера перехвачен в Скудных Холмах. Сто талантов меди взяли!⁵

– Вот здорово! – восхитился Тутепх – Кто сработал-то?

– Сетумн – отозвался Ясте, но без особой радости.

– Что с ним? – мгновенно погасил улыбку Тутепх.

– Да с ним особо ничего, стрелой слегка зацепило. Но много его людей полегло в Скудных Холмах. На этот раз караван охраняла сотня воинов, да каких! Вот мы и узнали, что такое солдаты Нармера, Тутепх. Если таких солдат у него много... Нам будет трудно.

– А когда людям Папируса было легко? – возразил Тутепх

– Наши парни не слабее людей Пчелы.

– Да, не слабее – Ясте потёр на ходу плечи – Но я тут подумал... Вот мы с тобой целыми днями работаем, чтобы накормить свои семьи. И так делают все люди Папируса, кроме разве старейшин. А солдаты Нармера в это время учатся владеть оружием. Улавливаешь?

Тутепх промолчал, задумываясь. В словах Ясте был немалый резон. Древние законы гласят: каждый мужчина должен кормиться сам, и кормить семью – иначе какой он мужчина? И потому времени на отработку приёмов рукопашного боя у земледельцев, рыбаков, пастухов и лесорубов оставалось

⁵ Талант в те древнейшие времена был мерой веса, от 60 кг до 30 в различных местах. Прим. авт.

очень немного. Да, это надо обдумать крепко...

Поляна Совета на этот раз была не столь полна, как в прошлый раз – многие вожди, прежде всего с Берега и Восточных рукавов не присутствовали. От Запада был только Ясте. Значит, вопрос не слишком серьёзен, подумал Тутепх. Для решения вопросов, касающихся судьбы всей Земли Папируса, созывают всех.

Смотрящий Гехемн, как и в прошлый раз, уже выступил вперёд, держа свой посох.

– Члены Совета! Мы, Смотрящие, снова оторвали вас от ваших дел, чтобы обсудить один очень важный вопрос. Как известно, Нармеру для войны нужна медь. Медь в Землю Пчелы, как и к нам, идёт с Синая. Дорога караванов пролегает через Скудные Холмы, и до сих пор мы без особого труда перекрывали её. Но вчера случилось очень неприятное дело. Дорогу через Холмы охранял Сетумн и его люди – была их очередь. Караван, который они встретили, был очень большим. И его охраняли те самые солдаты, о которых говорил нам беженец Нехебх. Солдат было сто человек, а у Сетумна четыреста. Но наши потери составили почти двести людей. Если в следующий раз Нармер пошлёт двести или триста солдат? Мы не можем держать в Скудных Холмах целую армию.

Собрание сдержанно загудело. Тутепх вдруг обнаружил, что ноги сами вынесли его на утоптаный пятачок.

Ты хочешь говорить, Тутепх? – немного удивлённо по-

смотрел на молодого вождя Гехемн – Ты мог попросить слова. Но говори, раз вышел уже.

Отступить было некуда.

– Великий Совет! Эта мысль пришла мне в голову только сегодня, после разговора со славным Ясте. Но сейчас я удивлён, почему она не пришла раньше. Нехебх, бежавший с верхних земель, говорил нам – солдаты Нармера целыми днями тренируются с оружием. А мы занимаемся чем угодно, вместо подготовки к войне...

– Прости, что перебиваю – подал голос старейшина, тот самый, что интересовался, в порядке ли голова у Тутепх, когда он предложил контрпоход в верхние земли – Воинам... да, солдатам Нармера не нужно заботиться о пропитании. Наш же древний закон гласит...

– Прости и ты, уважаемый. А что будет с нашими древними законами, если солдаты Нармера захватят Землю Папируса? – в свою очередь перебил старейшину Тутепх – Я предлагаю следующее: усилить стражу в Скудных Холмах хотя бы до двух тысяч человек, снабдив их пищей за счёт общин. Мы, ном Розового Лотоса, это потянем, и думаю, другие тоже. Тогда дорога на Синай для Нармера будет закрыта наглухо. И всё время, свободное от патрулирования, посвятить обучению этих людей приёмам боя. А остальным мужчинам, способным носить оружие, тренироваться дома, ежедневно с мастерами боя – такие есть у нас. Тогда наши воины ни в чём не уступят солдатам Нармера!

– Ты горяч и невежлив, Тутепх – поморщился Гехемн –
Но ты прав!

...

Солнце снаружи раскалило землю, воздух, и даже воды Нила казались расплавом серебра. Но в покоях Повелителя было прохладно и сумрачно. Масляные светильники освещали сосредоточенные лица номархов и ближайших соратников Повелителя, собравшихся по его приказу на внеочередной Совет. Нармер чуть усмехнулся уголком рта – да, по его приказу. Уже давно никто из этих вельмож не осмеливается игнорировать "просьбу" посетить дворец Повелителя.

– Уважаемые, я рад видеть вас всех в добром здравии. Но повод для Совета нынче вовсе не радостный. Только что получено известие, что наш караван, идущий с Синая с медью, захвачен людьми Папируса.

Молчание. И лица у всех бесстрастные. Вельможи умеют сдерживать эмоции и скрывать мысли.

– Я послал с караваном сотню солдат – продолжил Нармер – Моя вина. Следующий караван будут сопровождать триста. Ты хочешь что-то сказать, Себхак?

– Да, Повелитель – отозвался Себхак, по-прежнему сохраняя невозмутимое выражение лица – Это будет стоить дорого. И всё так же не даёт полной уверенности.

Нармер подумал.

– Ты прав. Пятьсот солдат. Этого точно хватит.

Вот теперь невозмутимость покинула наконец лицо Себх-

ака.

– А это уже чересчур дорого, мой Повелитель. Пятьсот солдат... Эта медь станет нам дороже серебра!

Нармер чуть улыбнулся.

– Зато этот караван дойдёт. Иначе нам придётся делать оружие из того самого серебра.

Он чуть помолчал.

– Пора уже дать урок зарвавшимся болотникам. Да, Нефрен, слушаю тебя.

– Повелитель, а так ли уж нам необходима медь? – подал голос вельможа с тёмной, матово блестящей кожей, выдававшей в нём уроженца Запорожных земель – Мои воины вооружены кремневыми топорами. Кремень острее меди!

Нармер вздохнул.

– Твои воины здесь, Нефрен?

– Только охрана, сопровождавшая меня в пути – немного удивлённо ответил тот.

– И оружие у них кремневое?

– Ну да...

– Позовите сюда одного из них. Любого!

Воин Запорожных земель был ещё чернее, чем его господин, его широкое лицо казалось вырезанным из чёрного базальта. Короткая полосатая юбка, кожаные сандалии и головная повязка – вот и вся одежда. В руке воин держал щит, обшитый крокодильей кожей. На поясе висел медный кинжал, но вот боевой топор и впрямь был сделан из кремня.

– Дай мне свой топор, воин – Нармер протянул руку. Воин протянул ему оружие рукоятью вперёд, и отполированное ладонью твёрдое дерево легло в руку привычно и удобно. Нармер осмотрел лезвие – острый, как бритва, хорошо зашлифованный кремёнь.

– Это хороший топор. Для охоты. Но в бою... – Нармер кивнул своему телохранителю, и тот подал Повелителю свой медный топорик-клевец. Нармер испытал мимолётное удовольствие – его охране слова не нужны, они понимают хозяина с полувзгляда.

– Держи! – Нармер кинул кремнёвый топор Нефрену – Нападай!

– Драться С ТОБОЙ? – на лице вельможи отразился сильнейший испуг – Смилуйся, Повелитель!

– Мы не будем с тобой драться, мой Нефрен – улыбнулся Нармер – Просто я хочу показать тебе один приём. Бей!

Помедлив, Нефрен встал в стойку. Нармер последовал его примеру.

– Бей, не тяни!

Замах и удар были вполсилы, но Нармеру хватило и этого. Короткое встречное движение медного клевца, и осколки кремня брызнули в разные стороны. Лезвие кремневого топора превратилось в неровный камень, насаженный на палку.

– Ещё вопросы, Нефрен?

– Нет вопросов, мой Повелитель – Нефрен рассматривал

изуродованное оружие – Ты, как всегда, прав.

Вельможа отдал своему чернокожему охраннику остатки топора, и он исчез. Нармер обвёл взглядом всех собравшихся.

– Мы идём в Землю Папируса не охотиться на бегемотов. У болотных жителей не должно быть ни единого лишнего шанса.

...

Огненная ладья великого Ра уплыла в Исподний мир, и Атум задёрнул своё чёрное покрывало – только бледная полоска света ещё пробивалась вниз, у самого горизонта. Звёздное небо мерцало мириадами огоньков, точно там, в небесной выси, горели тысячи тысяч масляных светильников. Тутепх лежал, закинув руки за голову, глядя в небо. Сколько он помнил себя, он всегда любил вот так лежать и глядеть на звёзды, и тогда в душу закрадывалось ощущение чего-то волшебного, какой-то щемящей тайны...

Сидха, до той поры тихонько посапывавшая на его плече, используя бицепс мужа как удобный подголовный валик, вдруг подняла голову и без предупреждения поцеловала мужа в губы, неуловимо-кошачьим движением.

– Ты чего? – чуть опешил Тутепх.

– Так просто – глаза жены чуть мерцали во мраке, точь-в-точь настоящие кошачьи – Захотела вот, и поцеловала. Нелзя разве?

– Ещё как можно! – заверил Тутепх, обнимая жену – А

кроме поцелуя ты ничего не хочешь?

– А разве ещё осталось? – лукаво засмеялась Сидха.

– Для такой красавицы найдём! – авторитетно заявил молодой кузнец, поудобнее переворачивая девушку.

– Ты не забыл, что завтра ном Розового Лотоса заступает на смену Долгой Протоке?

Объятия Тутепха разом ослабели, и оружие, уже приведённое было в рабочее состояние, опало.

– Я помню, само собой. Спи, Сидха. Завтра у нас будет трудный день.

Девушка раскаянно прижалась к мужу, лаская его и ругая себя. Дура, ну дура! И кто всё время за язык тянет? Пять минут помолчать, всего-то делов! Всё, теперь о добавке можно забыть.

– Не хочу с тобой расставаться – прошептала она мужу в самое ухо.

– Так ведь это же ненадолго – так же шёпотом ответил Тутепх.

– Всё равно не хочу...

* * *

Оранжевые отсветы пламени масляных светильников колыхались на стенах, изукрашенными резьбой и покрытыми красочной росписью. Запах горелого масла перебивал аромат благовоний. Нармер лежал, подложив ладони под голо-

ву, и смотрел в потолок невидящими глазами. Где взять золото?..

Сотис, почувствовав его состояние, прижалась, стала ласкаться. Нармер рассеянно погладил жену, нащупал и сжал её упругую грудь, помял пальцами сосок. Бесплезно. Ни малейшего желания сегодня он не испытывал. Какое уж тут желание... Где взять золото?

– Ты чем-то расстроен, мой господин? – тонкое, прекрасное лицо Сотис нависло перед ним. В глазах, в полумраке казавшихся бездонными, плясали отсветы огня – Поделись с женой своей, муж мой. Не все женщины глупы.

Нармер вздохнул, искоса глянул на жену. Может, и правда?

Он взял её в жёны уже взрослой девушкой. Пятнадцать лет – в этом возрасте у половины женщин Земли Пчелы уже бегают детишки. И у обитателей болот, в Земле Папируса то же. Жизнь коротка, и надо спешить продолжать её в детях... Разумеется, заполучить в жёны красавицу Сотис было немало желающих. Но её отец, крупный чиновник, ведающий сбором налогов в недавно покорённых землях у Великого озера, метил выше. И не прогадал – именно такую жену искал себе Повелитель. Красавица, спокойная, безукоризненно воспитана... И не дура. Далеко не дура, что у женщин случается не каждый день.

– Где взять золото? – неожиданно вслух произнёс Нармер.

– Сколько? – деловито, будто золото лежало у неё зары-

тым в углу, поинтересовалась Сотис. Нармер заинтересованно скосил глаза.

– Считай сама. Нам надо ещё не меньше пятисот талантов меди.

Сотис чуть пошевелила губами.

– Если считать, что за талант золота синайцы дают двадцать пять талантов меди... А за талант серебра – шесть талантов... Сколько имеется серебра и золота в казне, муж мой?

Теперь уже Нармер смотрел на жену с уважением. Что значит дочь сборщика налогов!

– Двадцать два таланта серебра и четыре золота.

– Так мало? – лицо Сотис выразило озабоченность – А что ещё берут синайцы в обмен на медь?

Нармер усмехнулся.

– Много чего берут. Скажем, льняное полотно. У них там лён не растёт. Зерно берут, хорошую посуду, быков...

– Посуду и зерно отставим. Не хватит ослов, чтобы перевезти – Сотис села в позе лотоса, нимало не стесняясь наготы. При виде её лона, гладко выбритого и чуть приоткрытого, на расстоянии протянутой руки, Нармер ощутил внезапное запоздалое желание, но теперь уже сам подавил его. Не время, пошёл серьёзный разговор – Быков тоже не перегнуть через тамошние места. А вот насчёт полотна...

– И с полотном то же самое – Нармер неожиданно грязно выругался, но Сотис и ухом не повела. Мужчины вообще

народ такой, что делать... – Проклятые болотники завалили синайцев своими тканями на годы вперёд. И обувью тоже! И своими корявыми поделками! Теперь за медь синайцы требуют золото, и только золото! Ну, и серебро возьмут, конечно...

Сотис снова задумалась. Странно, подумал Нармер. Женщине едва исполнилось восемнадцать, но сейчас, в свете масляных ламп, она кажется древней и мудрой, как сама звезда, именем которой её называли...⁶

– Скажи, а синайские медники любят красивых девушек? – внезапно спросила Сотис.

– То есть? – изумлённо воззрился на жену Нармер.

– Всё просто – улыбнулась Сотис одним уголком рта – Везде, насколько я знаю, за девушек дают выкуп. Часто медью. А возле Великого озера, у покорённых озёрных людей девушек много...

Вот теперь Нармер смотрел на жену с восхищением. И ведь действительно, как всё просто!

– Иди ко мне, дорогая моя – Нармер сгрёб жену, повалил. Сотис засмеялась, выгнулась кошкой, подставляя себя под мужнины ласки – Ты самая умная женщина во всей Земле Пчелы! Нет, во всей Кемет! Нет, в целом мире!

⁶ Сотис – древнеегипетское название Сириуса

– ...Давай-давай, работай! Ты думаешь, если эти олухи избрали тебя вождём, так ты можешь портить нашу семейную марку? Ты и так в последнее время больше выступаешь с речами в Совете, чем работаешь!

Тутепх отёр пот со лба. Старый Тигами ворчал с утра – должно быть, ныли коленные суставы, они у всех старых кузнецов болят, от долгого стояния на ногах в кузнице и вредных литейных испарений. Но насчёт марки отец не прав...

Тутепх отложил каменный молот, которым проковывал медный топор, пощупал пальцем лезвие. Пожалуй, что и хватит. Конечно, кто спорит – кремнёвый топор куда острее. Но для боя он малопригоден – один хороший встречный удар, и нет топора. Тогда уж лучше просто дубинка. А вот медь – другое дело. Конечно, литая медь чересчур мягка, но при хорошей проковке лезвие получается вполне подходящее.

– На, посмотри – Тутепх кинул отцу на верстак готовую работу – Скажешь, испортил марку?

Старый Тигами придирчиво оглядел и ощупал изделие, вышедшее из рук сына, неопределённо хмыкнул.

– Ладно, сойдёт. Видно, ты ещё не до конца приучился только размахивать руками перед народом.

Тутепх рассмеялся, берясь за следующую отливку. Сейчас все кузнецы в Буто были заняты одним делом – лили и кова-

ли оружие. И не только в Буте, и не только кузнецы. По всей Земле Папируса шлифовали кремнёвые наконечники копий и стрел, готовили луки, охотники выслеживали в мутной воде крокодилов и бегемотов, кожевники выделявали из добытых шкур прочные доспехи... Вся страна готовилась к войне.

Когда Тутепх закончил ковку очередного изделия и поднял глаза, утирая со лба пот, перед ним, прислонившись к столбу, поддерживающему крышу кузницы, стояла Сидха, и глаза её смеялись. В руке девушка держала корзину, из которой доносились весьма аппетитные запахи, перебивавшие даже запахи кузницы.

– Во заработались, трудяги! Я тут стою, стою, а они и ухом не ведут!

Тутепх бросил молот и сгрёб жену в объятия.

– Ой, Тутепх, пусти! Пусти, не то уроню обед!

– А! Обед никак нельзя ронять. Чего там? – Тутепх потянул корзину к себе, но жена решительно пресекла попытку. Сама поставила корзину на низенький стол, в другое время служивший вспомогательным верстаком для тонких работ – скажем, изготовления медных иглоков – и принялась вытаскивать снесь.

– Ну разумеется, твои любимые лепёшки.

– С рыбой и оливками?

– С рыбой и оливками. А вот это жареная говядина. А в горшке каша с коровьим маслом.

– Давай! Всё давай! А поцелуи подождут. Каша важнее.

– Нахал! Ладно, я припомню, как ты предпочёл мне ячменную кашу!

Старый Тигами, моя руки, с ухмылкой наблюдал за вознёй молодых, и на душе было тепло. Он как-то предложил невестке помощь, чтобы еду носил в кухню младший брат Тутепха, Ако. Но та лишь коротко глянула на тестя, и старый кузнец больше не поднимал этот вопрос.

– Отец, садись уже – Сидха уже наливала пиво в глиняные кружки.

Да, и это тоже. Сидха сразу поняла, что старый Тигами ей будет не хуже отца, и стала звать его «отец» вместо «свёкор», как почтительно зовут другие женщины. И тем окончательно растопила сердце старого кузнеца, лишившегося единственной дочки вместе со средним сыном во время мора. Несмотря на давность лет, та рана всё ещё саднила в душе Тигами, и Сидха заняла в душе кузнеца место любимой дочери.

Некоторое время мужчины ели молча, утоляя разыгравшийся от физической работы аппетит. Девушка сидела на циновке в позе лотоса, ловко подвернув юбку-каласирус, так что были высоко видны её бёдра, более светлые, чем остальное тело.

– Что говорят на базаре? – первым спросил Тутепх, жуя аппетитное жареное мясо вперемешку с любимыми лепёшками.

– Что именно тебя интересует? – Сидха взяла мужнину кружку, долила пива.

– Всё! – заявил Тутепх, откусывая изрядный шмат говядины.

– Мясо сильно подешевело – девушка долила пиво тестю – Говядина почти втрое – она засмеялась – Чем вы сегодня и пользуетесь. Вот это всё я купила за малое медное кольцо.

Да, это было Тутепху известно. Быков резали по всей Земле Папируса – перед войной всегда так. Во-первых, хозяева старались обменять скот на звонкую медь и серебро, чтобы зарыть в случае чего. А во-вторых, спрос на бычьи шкуры сильно вырос, потому как кожа нужна на доспехи. Так что убытки от падения цены на мясо в большой мере компенсировались для владельцев стад ростом цен на шкуры.

– А ещё?

– Прибыли купцы с Ханаана. Привезли масло для еды и ароматное для притираний. Ещё привезли красивые шерстяные одеяла. Я купила одно. Ругать не будешь? – девушка лукаво глянула на мужа.

– Буду – притворно насупился Тутепх – Под холстом ты всегда прижимаешься ко мне. А под толстым шерстяным одеялом?

Старый кузнец хмыкнул, и Сидха тоже засмеялась.

– Зато не придётся дрожать в зимние холода, муж мой. У нас тут не верхние земли. Ты даже не спросил, сколько я отдала за него!

– Талант? – с испугом спросил Тутепх. Старый Тигами утробно заухал.

– Четыре кольца! – возмущённо вспыхнула девушка – Четыре медных кольца – за такое одеяло! Скажи, где ты ещё видал такую экономную хозяйку?

– Ты у меня самая экономная хозяйка! – Тутепх погладил жену по бедру – Но вообще-то, если честно, те купцы должны были просто подарить тебе весь свой товар.

– Это с чего бы? – весело округлила глаза Сидха.

– Да за то, что сподобились лицезреть тебя. Теперь им будет что рассказать своим внукам!

И все трое расхохотались.

* * *

– Садись, Мехнит. Садись поудобнее, тесть мой – Нармер, улыбаясь, усаживал тестя, заботливо поправил циновку – Дорогая моя, распорядись.

– Да, муж мой – Сотис встала, мягко, как кошка, направилась к выходу, и почти тотчас из дверей поплыли, держа в руках всевозможные блюда, девушки-служанки. Низенький широкий стол был покрыт узорчатым льняным полотном.

– Это придумка Сотис – перехватил слегка удивлённый взгляд тестя Нармер.

– Некрасиво разве? – Сотис уже вернулась с кухни, где отдавала рапоржения.

– Да, чего-чего, а фантазия у тебя есть, дочка – хмыкнул Мехнит – И тяга к роскоши с детства. Помню, как в одина-

дцать лет нацепила себе в уши золотые диски – обратился он к зятю – По два дебена каждый ⁷ Потом уши пришлось лечить!

Мужчины рассмеялись, и сама Сотис улыбнулась.

– Все свободны – подал голос Нармер, обращаясь к слугам
– А ты посиди с нами, жена моя. Угощайся, тесть мой.

– С удовольствием – Мехнит потёр руки, захватил кусок мяса с приправами и отправил в рот, смачно зажевав. Затем остро взглянул на зятя – Но будет лучше, зятёк, если ты сразу изложишь, зачем позвал меня в такую даль. Не для того же только, чтобы угостить вот этой восхитительной молодой козлятиной в чесночном соусе?

– И за этим тоже – улыбнулся Нармер – А дело вот какое. Нам нужны девки, Мехнит.

– То есть? – сановник даже перестал жевать.

– А вот дочь твоя всё изложит – Нармер тоже приступил к трапезе – Потому как её идея...

–...Да, задали вы мне задачку – ухмыльнулся Мехнит – Никогда бы сам не допёр, если честно. Но если попытаться просто отобрать нужное количество девок...Кстати, сколько? – обратился он к дочери.

– Если считать, что обычный выкуп за девушку в среднем полталанта меди, то выходит тысяча – Сотис аккуратно кушала, обсасывая птичье крылышко – Не думаю, что мужчины на Синае молодых девушек любят меньше, чем в Земле

⁷ Дебен – ок. 90 гр. Прим. авт.

Пчелы.

– Тысяча девок сразу... Цены могут упасть – заявил Мехнит, явно забавляясь новой затеей дочери. Продавать девушек, как коз, надо же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.